

РУССКИЙ ЯЗЫК

高级俄语 下册

北京外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社

РУССКИЙ ЯЗЫК

НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ

книга вторая

外语教学与研究出版社

本书编者 吴宏金
李英男
赵迪生

高级俄语
(下册)

北京外国语学院俄语系编

※ ※ ※

外语教学与研究出版社出版

(北京市西三环北路19号)

北京怀柔燕东印刷厂印刷

新华书店总店北京发行所发行

开本850×1168 1/32 9.875印张 209千字

1986年6月第1版 1988年6月北京第二次印刷

印数10,001—15,000册

※ ※ ※

ISBN7-5600-0060-6/G·61

定价:1.65元

编者说明

本书是一本俄语实践课教材，供高等院校俄语专业高年级学生、研究生及青年教师进修使用，也可供具有同等俄语水平的人自学使用。

全书共收入当代苏联文学作品六篇，其中短篇小说四篇，中篇小说一篇，剧本一篇。除短篇小说《Фиалка》略有删节外，其余各篇均全文收录，以不损作者原意。

我们选材的标准是：1. 语言实用性强，积极语言现象多，能反映当代俄语风貌；2. 内容反映当代苏联社会现实，具有认识价值；3. 题材具有现实意义，便于结合作品内容开展积极的口笔语训练；4. 作品具有一定艺术水平，有利于提高学员的文学素养。

本书所选的六篇作品，均为1978年以来我系高校教师进修班读说写实践课多次使用的教材。实践证明：利用这些教材进行语言教学是合适的，收到了较好的教学效果。

我们从教学实践中体会到，过去精读课的主要缺点是任务杂，阅读量小，不利理解能力、语感和阅读速度的提高，不利开展积极的口笔语活动。因此，我们在高校教师进修班的教学中，对这种精读课进行了必要的改革，逐步形成了现在的读说写实践课。这是一种在积极交际原则指导下，以提高读、说、写能力为目的，使读、说、写三种言语教学相互联系、相互促进、共同提高的实践课课型。为了达到上述目的和要求，必须适当加大阅读量（每周10—20页），所以，本书各课课文的篇幅都较长。

在编写体例上,各课均包括四部分: 1. 作者简介; 2. 课文; 3. 注释; 4. 作业与练习。这里有两点需要说明:

(一) 我们仅对以下三种词语做了注释: 1. 课文中反映国情民俗的词语; 2. 新词新义; 3. 词典中难于查到的词语, 或者虽能查到, 但在课文中的用法仍得不到恰当解释的词语。

(二) 作业与练习共分三部分: 第一部分主要是修辞练习 (лингвостилистические упражнения), 目的是为了加深学员对课文中出现的某些语言现象的理解, 巩固课堂讲授的部分内容; 第二部分是词汇练习 (лексические упражнения), 主要是中国人难于掌握的词语的练习, 目的是为了帮助学员准确地掌握这些词语的用法, 巩固已有知识; 第三部分是言语作业, (речевые задания), 目的是通过讨论作品内容提高学员连贯语言表达能力, 加深学员对课文内容的理解。作文题目可根据学员的俄语水平有选择地使用, 或者另行命题。

修辞练习和词汇练习的编选原则是: 从实际出发, 着眼于课文中值得注意的语言现象, 不求系统化, 也不与其它教材配套, 以便任课教师可以有选择地使用本教材。

本书各课的作者简介、注释及作业与练习均经李莎教授作文字审订。姜秀文副教授曾参加本书内容的评审。武秋霞、袁宁副教授参加了本书部分课文的初选工作。

由于编者水平有限、经验不足, 书中难免有一些缺点错误, 恳切希望读者提出宝贵意见。

一九八四年 北京

СОДЕРЖАНИЕ

Текст 1. А. Астраханцев	
Почему ты такой, Витька? /рассказ/	. . . (1-41)
Текст 2. Г. Холопов	
Последний печник /рассказ/	. . . (42-78)
Текст 3. Л. Юнина	
Директор /рассказ/	. . . (79-131)
Текст 4. С. Михалков	
Пошечина /пьеса/	: . . . (132-194)
Текст 5. А. Алексин	
Раздел имущества /повесть/	. . . (195-252)
Текст 6. В. Катаев	
Фиалка /рассказ/	. . . : . . . (253-308)

А. И. АСТРАХАНЦЕВ

Александр Иванович Астраханцев родился в 1938 году в деревне Белоярка Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт имени М. Горького. Работал инженером-строителем. Автор книг повестей и рассказов "И пройдут теплоходы", "Дом на даче". Член Союза писателей.

* * *

Текст I

Александр Астраханцев

ПОЧЕМУ ТЫ ТАКОЙ, ВИТЬКА?

(рассказ)

1

Наталья Сергеевна, женщина лет тридцати пяти, невысокая и довольно хрупкая, но энергичная в движениях, вошла в прихожую, поставила на пол большую хозяйственную сумку, включила свет, швырнула на вешалку шляпку, скинула и повесила на крючок мокрый плащ, наклонившись, вжикнула «молниями» и резко стряхнула с ног красивые, заляпанные грязью сапожки. Из гостиной появилась девочка лет десяти-одиннадцати, такая же черноглазая и черноволосая, как Наталья Сергеевна, и потянулась было к ней со сдержанной улыбкой в глазах:

— Ма-ам!

— Ирка, возьми-ка сумку, — резко сказала ей Наталья Сергеевна.

Девочка с готовностью подхватила тяжелую ношу и поволокла в кухню.

«Опять «Ирка»! Совсем перестала следить за речью», — подумала Наталья Сергеевна, перенявшая у детей дурную уличную привычку называть друг друга небрежно — «Ирка», «Витька», но тут же мысленно махнула рукой.

Мельком глянула на себя в зеркало. Собственное изображение вызвало в ней мимолетную гримасу отвращения: лицо усталое, морщинки на лбу и в уголках рта, тушь на ресницах расплылась от уличной сырости. А ведь по утрам она сама себе еще нравится. Медленно, крепко провела по лицу ладонями, как бы стирая с него вместе с дождинками застывшую маску усталости, прошла в гостиную и опустилась на стул.

День выдался тяжелым. После обеда была в главке, защищала план будущего года. Ездила одна. В автобус едва втиснулась. Да еще какой-то пьяный привязался: «Девушка, девушка...». Наталья Сергеевна передернула плечами. Девушка! Маленькая собачка до старости щенок. Где-то он, видите ли, ее встречал, так об этом надо сообщать всему автобусу? Мерзость... Защититься в главке так и не смогла, хотя и просидела три часа, пока шло обсуждение. Еще и добавили под самую завязку. Завтра управляющий ее же и начнет упрекать: почему не отбоярилась? А что она может, если там и слушать не хотят никаких возражений? «Мы что, — говорят, — госплан сами выполнять будем? Мы всем поровну добавляем!» Сам-то небось не поехал, чувствует, что все равно не защитит, неохота свое бессилие показать. Видите ли, ему некогда планом будущего года заниматься! Хоть бы на своей машине довез... Ну да ладно, зато хоть выкроила час по магазинам в центре пройтись. Но опять же руки оттянула этой проклятой сумкой...

И зачем только согласилась на начальника отдела? Пятьдесят рублей лишних? «Пятьдесят на двенадцать — шестьсот в год, — автоматически щелкнуло в мозгу. — Шестьсот рублей — это пианино Ирке. Или поездка всей семьей на юг. Деньги, конечно, не лишние. Однако вот

выбирай теперь за эти шестьсот: или работа, или дом. Детей совсем забросила, — думала она, отрешенно глядя на дочь, которая крутилась возле нее и о чем-то болтала, слов Наталья Сергеевна никак не могла уловить. — Он же, управляющий, и уговорил: «Но ведь вы же умница, Наталья Сергеевна, вы нам всю плановую политику на ноги поставите. Мы вам помогать будем!» Вот тебе и помощь. Дура душой, всякий уговорить может...»

Очнулась, пришла в себя, почувствовав на шее тонкие Иркины руки, прикосновение ее губ к щеке и теплое дыхание:

— Ты устала, мамочка?

Поймала себя на том, что сидит в глупой какой-то позе, как мужик-пахарь: ноги враспырку, руки повисли, ссутулилась. Встряхнулась, обняла дочь, улыбнулась:

— Устала, доченька. Ну, как дела? На музыку ходила?

— Ходила, — кивнула дочь.

— Хлеб, молоко купили?

— Витька купил. Его же очередь сегодня.

— Он дома?

— Дома, занимается.

Наталья Сергеевна встала, прошла по коридору, открыла дверь в комнату сына. Сын, четырнадцатилетний подросток, худой, длинный, лохматый, сидя за столом, безалаберно заваленным учебниками и тетрадками, ковырялся в какой-то железяке, обмотанной проводами. Испуганно оглянулся на мать, торопливо убрал железяку в стол, судорожно схватился за учебник.

Смешно и грустно ей было смотреть на него такого — испуганного. Особенно было ей не по себе, когда она видела его открытый как бы в полундиотской гримасе рот. Она боялась за неокрепшую психику сына, потому что его частенько ругал и даже порол ремнем отец — за плохие отметки, за жалобы учителей на его поведение в школе, за баловство дома. Особенно доставаться стало в

последнее время: ругань была из-за длинных волос, из-за штанов, которые тот втихомолку расклешивал на машинке, из-за каблучков на ботинках, к которым он наклеил какие-то нашлепки, — просто сдурел с некоторых пор: такое повышенное внимание к своей наружности, причем в самой уродливой форме! И хоть боится отца, трясется весь, а упрямо гнет свое и кричит в отчаянии: все мальчишки так делают, и всем разрешают! Почему он один такой непонятый?! Почему у него одного родители такие старомодные?! Отцу это — как красная тряпка быку. А тут еще стал просить мопед, магнитофон...

Она пыталась защитить его от отца, но что она может сделать?! Муж, когда хватается за ремень, свирепеет и, если она встает между ними, отмахивается от нее, как от надоедливой мухи, попросту отталкивает, и все. Она тогда ненавидит его, свирепеет сама, готова убить его, стукнуть чем попало по тяжелой лысеющей голове, сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Они потом по неделе не разговаривают, до тех пор, пока он первый не устает от молчания, не сдается и не начинает усиленно ухаживать за ней, извиняется, оправдывается: «Меня тоже били, и ничего — вроде бы стал человеком. Англичане вон до сих пор даже в школах детей розгами наказывают, законом разрешено. Такие эмоциональные встряски детям даже полезны...» — и тэдэ и тэпэ. Она уступает — больше потому, что ссоры эти действуют на детей: ходят какие-то придавленные, Витька нахально пользуется размолвками и делает что хочет, чувствуя безнаказанность, зная, что мать старается не обращать на него отцова внимания, чтоб не вызвать новый прилив гнева, а отец не трогает его, боясь еще большей размолвки с матерью, не хочет доходить до той критической точки, за которой начинается окончательный разрыв.

— Опять ты, Витя, не занимаешься уроками? — укоризненно сказала Наталья Сергеевна, проходя в комнату.

— Занимаюсь, мама, — поспешно возразил сын, си-

лясь сквозь испуг дружелюбно улыбнуться ей. А по глазам видно: ох, лукавит! Что же это он спрятал в столе? Прямо спросить — бесполезно, опять неправду скажет.

— Что тебе еще осталось делать? — спросила она, открыв дневник, лежащий тут же. Дневник грязный. Слава богу, хоть замечаний в нем за эту неделю нет.

— Геометрию, историю и литературу.

— А что ж днем-то? Опять телевизор смотрел? Сколько раз тебе говорила: не смотри днем телевизор, — срываясь на раздражительное ворчание, сказала она:

— А я и не смотрел, я все время учил, — упрямо пробубнил он.

Но разоблачать сына уже не было никаких сил.

— А почему у тебя вид такой? Опять сегодня не расчесывался? — она полушутливо, полусердито ухватила его за высоко торчащие вихры и подергала.

— Расчесывался!

— Когда ты, Витька, станешь за собой следить? Охламон и охламон. Я тебе позавчера давала пятьдесят копеек на парикмахерскую, почему ты не подстригся?

— А учительница собирала на экскурсию, я отдал.

— Я ж тебе давала на экскурсию.

— А те я потратил на значки — красивые значки в киоске продавали, а у меня нет. У всех все есть — и мопеды, и магнитофоны, и родители другим дают рубли, а вы — копейки.

— Мы ж тебе летом велосипед купили! — показала она рукой на разобранный велосипед, стоящий в углу. — Велосипед гораздо полезней — это же спорт! Ты совсем не занимаешься спортом — смотри, у тебя уже спина горбом.

— Что велосипед! Я мопед хотел.

— Отец же тебе объяснил.

— Что отец! Если б ты с ним поговорила...

— Не будет тебе, Витька, мопеда. Во-первых, опасно, можешь голову свернуть, во-вторых, он ничего не дает в

смысле физического развития, в-третьих, накладно — мы ж все вместе собираемся следующим летом на юг ехать.

— Не хочу я никакого юга, не хочу спорта — я хочу мопед. У всех мопеды, — бубнил Витька.

— В общем, не будет тебе мопеда! — уже жестко сказала Наталья Сергеевна. — Ты лучше об учебе думай. И рублей не будет. Дам завтра еще раз на парикмахерскую, но смотри у меня! А то уж учителя, наверное, смеются над твоими лохмами.

— Не смеются. У нас все так ходят.

Наталья Сергеевна вышла из комнаты сына расстроенная — ей хотелось поговорить с ним, приласкать его, а разговор каждый раз превращается в пустое препирательство, готовое в любую минуту перерасти в ругань, не сдерживая себя, раздраженная его унылым упрямством, пустыми, как ей казалось, интересами. А он будто нарочно еще дразнит ее, старается вывести из себя. Ну почему он такой? Почему не хочет послушать её, отчего у него одно на уме: «у всех все есть», «всем дают», «всем разрешают»? Как ей пересилить, вытеснить этих «всех» в его душе? Занятая этими невеселыми мыслями, она быстро переделалась и пошла в кухню, захватив с собой Ирку.

2

На плите шипело и булькало — Наталья Сергеевна готовила сразу и ужин, и обед детям на завтра. Ирка чистила картошку и о чем-то рассказывала матери, стараясь перекрычать репродуктор, который передавал последние известия. Несмотря на весь этот шум, Наталья Сергеевна сразу услышала, как пришел муж, как он переоделся, потом долго искал что-то в шкафу, потом умылся и вернулся в гостиную — там скрипнуло кресло, зашуршала газета. Как только он сел, дочь бросила нож: «Мам, я все!» — оставила картошку как есть, не вымыв ее, не убрав за собой кожуру, и выскользнула из кухни. «Ирка, вернись!»

— крикнула Наталья Сергеевна ей вслед. «Мам, я сейчас!» — откликнулась та, и не подумав вернуться: уже слышно было, как она трется около отца — болтает там, стрекочет, смеется, лиса такая. А отец отзывается весело-ворчливо густым рокочущим басом.

Наталья Сергеевна сердилась на дочь — та всю любовь отца к семье как бы забирала себе, эгоистично пользуясь его особой слабостью, особым расположением, этакая маленькая лицемерка. Пока отца нет — «Мама, мамочка!», а как только он на порог — заполняет собой все пространство вокруг него. Наталья Сергеевна сердилась и нервничала, убирая за Ирккой на кухне, и оттого, что сердилась, все у нее не клеилось: с грохотом падали на пол крышки, выкипал суп, заливая огонь...

Ей было обидно, и даже не за себя, хотя и за себя тоже было обидно, что он не заглянул в кухню, не поздоровался первый — ведь мужчина, муж все-таки, и она, пусть из мелкого, но уязвленного самолюбия, не хотела выходить из кухни и первая его приветствовать и заговаривать с ним.

Обидней всего было за сына — он там сидит один и тоже все слышит, и тоже не выходит в горьком своем самолюбии поздороваться с отцом, заговорить с ним. Не может он первый подойти, не умеет быть ласковым.

Думая о сыне, вспомнила опять про эту железяку с проводами у него в столе. Что это за штука, почему он ее прячет? Что-то тут не то — надо обязательно выяснить. Но воспоминание об этом, всплыв на секунду, опять ускользает у нее из головы, заполненной до отказа дневными событиями, и только остается в мозгу каким-то неясным, расплывчатым пятном, неосознанной тревожной мыслью...

Продолжая готовить на кухне, она думала о том, что воспитать парня все-таки во много раз труднее, чем девочку, девочки — податливее, сообразительней, ласковее, парни — упрямее, более замкнутые и требуют боль-

шего внимания, постоянного контроля. Но как убедить в этом Василия? Не хочет он возиться с сыном, ленится просто-напросто, идет по пути наименьшего сопротивления, а одной ей Витьку не поднять, хотя она и понимает всю сложность проблемы и много читала о воспитании.

А ведь было время — они с Василием были молоды и единоклюжны, вместе читали книги, вместе планировали свое счастье: у них будет двое детей, обязательно сын и дочь, и они их будут хорошо воспитывать. И вот есть сын и есть дочь, а того, что задумано, — нет: сын — бвкка, дочь — лицемерка. Единодушие растаяло, как прошлогодний снег. Обидно и грустно, что не сбылись планы. Так бывает грустно смотреть на здание, которое ветшает и рушится на глазах без ухода и внимания.

Была последняя надежда на маму. Когда мама вышла на пенсию, а они с Василием получили трехкомнатную квартиру, она уговорила маму перебраться к ним, чтоб она помогла воспитать детей, — тогда Наталья Сергеевна уже поняла, у них с Василием мало что получится: слишком груб и тяжел он оказался, не смогла она его перевоспитать, переломить, как того хотела. А ведь был, пока молод, гибче, умней, тоньше, читал книги, обо всем с ним можно было говорить. Куда все девалось?

Пока мама жила у них, в семье царили мир и спокойствие и сохранялся относительный порядок, основанный на традициях старой интеллигентности: в маме еще осталась эта интеллигентность — не по происхождению, не по воспитанию, а по душе: по тяге к искренности в отношениях, по уважению и требовательности к себе и к людям, по тяге к культуре, хотя она и не смогла в свое время получить образования и проработала всю жизнь счетоводом в районном городишке...

Но Василий вскоре стал бунтовать, сначала исподволь, а потом и въявь, против «тещиных порядков», которые казались ему покушением на его самостоятельность и свободу. И мама ушла, пожалев ее, Наталью, побояв-

шись за единство ее семьи, благо у нее был предлог уйти — у младшей дочери тоже появились дети.

3

Ужинали за тесным кухонным столом все вместе. Хотя этим Наталья Сергеевна была удовлетворена. Она дорожила такими минутами — единственными минутами в будние дни, когда собирались за столом все вместе, — и потому старалась приготовить самые вкусные блюда. Однако дети ели кое-как, ковырялись в тарелках. Василий был молчалив, ел, как всегда, много.

— У тебя случилось что-нибудь на работе? — спросила она его.

— Да так... — с неохотой ответил он. — У нас каждый день что-нибудь случается.

Она взглянула на его круглое лицо с появившимися в последнее время отеками под глазами. Болен он, что ли?

За чаем Василий стал расспрашивать сына про поведение и оценки в школе. Витька, естественно, похвастаться успехами не мог: опять «тройки». Ждали, что отец начнет распекать его, распалаться при этом, темнеть лицом, но, слава богу, пронесло — он только молча хмурился. Залпом выпил чай и вышел из кухни. Слышно было, как он включил телевизор — скоро должны были передавать футбол, — снова сел в кресло и зашуршал газетой. Дети вздохнули свободней. Ирка капризно отодвинула тарелку, явно тоже торопясь к телевизору.

— Не хочу я, мам. Можно, я яблочко возьму?

— Нет, доешь сначала. Потом еще вымоешь посуду.

Дочь насупилась, нехотя ковыряя в тарелке. Витька тихонько шепнул ей, хихикнув: «Что, получила яблоко?» Ирка толкнула его ногой под столом. Витька щелкнул ее пальцем по лбу, они завозились. Ирка захныкала.

— Ну-ка, перестаньте! — прикрикнула на них мать.

— А хочешь, я маме расскажу? — с вызовом заявила обиженная на брата Ирка.

— Ну и рассказывай, ябеда. Подумаешь, испугался! — фыркнул Витька.

— А вот и расскажу!.. Мам, а у Витьки опять днем Санька Козел был. Они что-то от меня прятали и из комнаты выгоняли. И шептались.

— Сколько раз тебе, Ира, говорить: не смей называть мальчишек уличными кличками! Ну что за «Козел»?

— Да его все так зовут!

— И не фискаль, пожалуйста, это нехорошо, — решительно начала было мать выговаривать дочери, однако беспокойство за сына взяло в ней верх. — Витя, почему к тебе опять этот Санька ходит? Бросил учиться, болтается на улице — какой он тебе товарищ?

— Не буду же я его гнать, если он пришел! — забубнил сын, оправдываясь. — Куда, скажи, ему идти, если у них одна комната и отец пьяница? Ты ж сама говорила: нельзя бросать товарища в беде, надо помогать...

— Чем же ты ему поможешь? Не та помощь ему сейчас нужна — ему работать идти надо. Втянет он тебя в какую-нибудь историю... — умоляюще глядя на сына, старалась убедить его мать.

Однако видно было, что он ничего не слышит — опять открыл было рот, чтоб тянуть свое.

— Витька! — в отчаянии сказала она, постучав пальцем по столу. — В общем, мы с отцом запрещаем тебе дружить с ним и водить его к нам! Или сказать отцу, чтоб он с тобой поговорил?

— Не надо, не надо, мам, больше не буду его приводить, — торопливо согласился Витька.

Поднялся, встал в дверях кухни, длинный, тощий, вихрастый, думая о чем-то.

— Ма-ам, — нерешительно, но громко сказал он, обращаясь к матери, но рассчитывая, видимо, на то, чтоб услышал и отец. — Можно я погуляю? Голова что-то болит, перезанимался.

— Ой, Витя, что-то ты темнишь! — откликнулась мать из кухни.

— Правда, мам, болит...

4

Витка вышел из подъезда и, растворившись в темном, пасмурном осеннем вечере, подался в глубь квартала. Остановился перед пятиэтажным кирпичным домом с освещенными окнами, посвистел, покричал: «Санька! Санька!» Никто ему не ответил. Пошел дальше.

В середине следующего двора, в темной беседке под большими липами, толпились и галдели подростки. Жиденько бренькала гитара, кто-то ломающимся петушиным голосом с завыванием пел пошлую блатную песню; несколько таких же голосов вразнобой подпевали, верней, подвывали; светился одинокий красный сигаретный огонек, гуляющий по кругу.

Витка подошел, влился в компанию, потолкался, перекинулся кое с кем словечком, сказал одному из них серьезным баском: «Ну что, Козел, пойдем?». «Пойдем», — не торопясь, ответил тот. «Куда вы?» — спросил их кто-то. «Чертей смолить, — небрежно ответил Козел и протянул Витке светящийся огонек. — Хочешь дернуть на дорожку?» Витка отказался. Огонек еще раз пыкнул, описал светящуюся дугу и погас где-то в черной грязи. «Ну что, поканали?» — сказал Козел.

Они оторвались от компании, миновали темный двор и вышли на освещенную улицу. Долго шли по ней мимо витрин, мимо открытых еще дверей магазинов, мимо спешащих куда-то темных человеческих силуэтов. Не доходя до пешеходной дорожки, пересекли бегом улицу перед быстро идущими машинами. Остановились возле одного из магазинов. «Давай здесь», — сказал Козел.

Магазин был во всю длину дома. Выше шли жилые этажи, светились бесчисленными окнами. Задрали головы и посмотрели на крышу — там горела неподвижным